

*В.А. Овчинников*

**Жизненный путь старца Зосимы (Верховского) – прототипа литературного героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (опыт реконструкции биографии)**

*Ключевые слова:* Русская православная церковь, православные монастыри, женские общины, старчество, монашество.

Синодальный период истории Русской православной церкви оценивается исследователями крайне противоречиво. Но на фоне секуляризационных реформ, процесса превращения церкви в часть имперской государственной машины, падения авторитета священнослужителей неизменно как феномен отмечается духовное возрождение монашества в форме старчества [1, с. 320]. Д.В. Поспеловский в своем труде «Русская православная церковь в XX веке» подчеркивает: «Уже в XIX в., через столетие после Петра, благодаря возрождению ученого старчества, начатого Св. Паисием Величковским и принесенного им с Афона, что помогло возродить и святоотеческую мысль, православное богословие постепенно обретает себя, свои корни, свою суть в России, совершенно независимо от Петра и его прямого наследства» [2, с. 16].

Во второй половине XIX в. феномен старчества рассматривался как один из путей выхода из религиозного кризиса. Дискуссии о нем велись на страницах периодической печати, художественных и философских произведений. Г. Флоровский отмечал, что в спорах 60-х гг. XIX в. обострилась застарелая рознь белого и черного духовенства. Распространилось мнение, что монашество перестало быть стезей послушания и подвига, а стало путем к власти и чести. И только истинные ревнители и подвижники могли указать путь к реабилитации монашества, к преодолению религиозного кризиса в обществе [3, с. 340].

Как результат религиозных исканий русской интеллигенции Ф.М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы» был создан «идеализированный» портрет старца Зосимы. Розанов отмечал: «Вся Россия прочла его “Братьев Карамазовых” и изображению старца Зосимы поверила. “Русский инок” (термин Достоевского) появился как родной и как обаятельный образ, в глазах всей России, даже неверующих ее частей» [4, с. 345].

В главе 3 «Из бесед и поучений старца Зосимы» книге 6 «Русский инок» романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский абсолютно верно передал ситуацию, сложившуюся в обществе вокруг вопро-

са о монашестве. Отвечая на вопрос, что есть инок, литературный старец Зосима признает наличие среди монахов туеядцев, плотоугодников, сластолюбцев и наглых бродяг, отчего «в просвещенном мире слово сие произносится в наши дни у иных с насмешкой, а у некоторых и как бранное» [5, с. 328]. Именно этим негативным тенденциям в среде монашества и противопоставлялся литературный старец Зосима – образец святости и подвижничества, указывающий направление выхода не только из застойного состояния монашества, но и из сложившегося религиозного кризиса российского общества.

Некоторые исследователи считают, что прототипом о. Зосимы был один из выдающихся представителей старчества – иеромонах Козельской Введенской Оптиной пустыни Амвросий (1812–1891), в миру сын пономаря А.М. Гренков [6, с. 76–78; 7]. В.А. Федоров отмечает: «Ф.М. Достоевский увековечил образ иеросхимника Амвросия в образе старца Зосимы в “Братьях Карамазовых”» [8, с. 72]. Д.В. Поспеловский упоминает о старце Амвросии: «...Амвросий Оптинский – прообраз старца Зосимы в “Братьях Карамазовых”. Его канонизация оправдана не только высокой духовностью личности Амвросия, но и его оптинским местонахождением, напоминающим значение этого монастыря в русской культуре и тот весьма симптоматичный факт, что именно эта обитель была одной из первых, разрушенных большевиками...» [2, с. 401–402]. В работе «Монастыри и монашество в XIX и начале XX века» П.Н. Зырянова подчеркивается: «Многие черты Амвросия были запечатлены Достоевским в образе старца Зосимы в романе “Братья Карамазовы”» [9, с. 130].

Старец Амвросий своим смирением и аскетизмом приобрел широкую известность, и к нему за духовной помощью и исцелением обращались представители различных сословий. Наряду со многими известными особами его посетили Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой. Ряд сочинений старца Амвросия был издан. (В дореволюционный период в Российской империи были опубликованы: Сборник писем и статей оптинского старца, иеросхимонаха А. Вып. 1. М., 1894; Вып. 2. М., 1897; Поучения старца, иеросхимонаха А о том, сколь много мы заботимся о теле и сколь мало о душе, а также о покаянии. М., 1896; Душеполезные наставления старца Оптинской

пустыни, иеросхимонаха А. М., 1898; Собрание писем к мирским особам. М., 1908; Собрание писем к духовным особам. М., 1908).

Однако в труде Г.В. Флоровского «Пути русского богословия» мы встречаем следующую оценку: «Сейчас мы знаем, что старец Зосима не был писан с натуры, и не от Оптинских образов Достоевский в данном случае исходил. Это был «идеальный» или «идеализированный» портрет, писанный больше всего с Тихона Задонского, и именно творениями Тихона вдохновлялся Достоевский, составляя “поучения” Зосимы». «Прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского», – замечает он сам о главе: О Свящ. Писании в жизни о. Зосимы (ср. также еще и «Душеполезные беседы» схимонаха старца Зосимы (Верховского), подвизавшегося в Сибири около г. Кузнецка)» [4, с. 345–346].

Во время управления Воронежской епархией св. Тихон достиг подъема внутренней жизни в монастырях: рассылал свои 15 статей увещевания инокам, ввел на трапезах чтение Чина монашеского пострижения и Зеркала монашеского жития. Удалившись в 1767 г. в Задонскую обитель, св. Тихон в своих произведениях «Правила монашеского жития» и «Наставления обратившимся от суетного мира» показал путь достижения идеала истинного монашества и следовал ему всю свою жизнь.

На сайте Коневского монастыря в разделе «История Коневского монастыря» также утверждается, что «возрождению Коневской обители в немалой степени способствовал митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров). В 1790 г. стараниями митрополита Гавриила наместником Коневского монастыря поставлен о. Адриан (Блинский), при котором этот монастырь становится известным в России местом процветания старчества. Старец Зосима (Верховский), подвизавшийся в окрестностях Змеиной горы, – наиболее вероятный прототип старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”» [10].

Исходя из утверждения Г.В. Флоровского, можно предположить, что при создании образа литературного о. Зосимы Ф.М. Достоевским были использованы записки и черты биографии реального о. Зосимы (Верховского), долгое время проведшего в Сибири. Сведения о нем содержатся в ряде трудов по истории Русской православной церкви, но носят фрагментарный и иногда недостоверный характер. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) нам удалось обнаружить дело, содержащее раннее не введенные в научный оборот документы и переписку по поводу создания Туринского женского монастыря, конфликте части сестер с о. Зосимой (Верховским) и попытках старца основать женскую обитель в Подмоскovie [11]. Используя сведения, содержащиеся в научных трудах, опубликованных источниках

и источниках, хранящихся в РГИА, мы предприняли попытку реконструкции биографии старца Зосимы.

В работе П.В. Знаменского «История Русской Церкви» мы встречаем следующее упоминание: «На Коневце были и лесные отшельники – старцы Зосима и Василиск – последний подвизался под конец жизни (+ 1823) в сибирских лесах...» [12, с. 451–452]. Достаточно подробно, используя воспоминания архим. Пимена, изложил жизненный путь о. Зосимы И.К. Смолич в труде «Русское монашество» [13, с. 299–300]. Описывая процесс быстрого роста женских монастырей и общин в XIX в., исследователь подчеркивает содействие их появлению старцев, уделявших много внимания духовному окормлению русских женщин, увлеченных религиозными исканиями. И указывает на старца Зосиму (Верховского) как одного из первых, «кто подвизался на этом поприще» [13, с. 299]. Но серьезной неточностью, содержащейся в работе И.К. Смолича, является то, что исследователь связывает 20-летний период пребывания о. Зосимы в Сибири с уединенным житием около города Туринска, что не соответствует действительности. А период создания женского Туринского монастыря и роль в его основании о. Зосимы вообще не описаны историком: «В городе Туринске сохранились строения упраздненного монастыря. Старец Зосима... предпринял нелегкую дальнюю поездку в Петербург, чтобы получить разрешение на основание женского монастыря в Туринске. Зосима сумел испросить разрешение, но епархиальный архиерей чинил старцу различные препятствия в деле. Тогда Зосима решил вместе со своими духовными дочерьми ехать в Россию...» [13, с. 299].

Сведения о сибирском периоде жизни о. Зосимы (Верховского) содержатся в справочном издании «Тобольская епархия» и «Кузнецкой летописи» И.С. Конюхова [14–15]. Автор летописи лично знал старцев Зосиму и Василиска, его отец С.Д. Конюхов около восьми лет проживал с монахами, а сноха А.И. Конюхова последовала за старцем сначала в Туринск, а затем в Москву. «Воспоминания архим. Пимена» (настоятеля Николаевского Угрешского монастыря) содержат информацию о досибирском и постсибирском периодах, которая основана на житие старца Василиска и беседе с митрополитом Филаретом при освещении храмов Троицкой Одигитриевской пустыни в 1855 г. [16].

Захарий Богданович Верховский, дворянин, отставной гвардии поручик, из смоленских помещиков [14, с. 130; 15, с. 45; 16, с. 297]. Родился в 1767 г. В летописи Кузнецка И.С. Конюхова содержатся сведения о домашнем периоде жизни З.Б. Верховского и его семье. Отец о. Зосимы был воеводой в Смоленске, активно занимался благотворительностью, строил церкви. В семье было девять детей. Кроме Захария два брата

и шесть сестер. Данные сведения подтверждает и тот факт, что о. Зосима во время посещения Смоленской губернии забрал с собой двух племянниц Варвару и Матрену, оставшихся сиротами после смерти брата Ильи, отставного капитана, и ставшими его верными последовательницами во время устройства Туринского женского монастыря в Тобольской епархии и Святотроицкой Одигитриевской Зосимовой пустыни в Подмоскowie [16, с. 299; 17, л. 84–86].

И.С. Конюхов приводит легенду, связанную с рождением и отрочеством о. Зосимы. В ответ на молитву отец Захария Богдановича Верховского услышал голос: «У тебя родится сын, не учи его светским наукам, а лишь Закону Божию» (И.С. Конюхов ошибочно называет отца З.Б. Верховского Василием). В отрочестве во время прогулки на лошади, поравнявшись с церковью, Захарий услышал: «Ты сам пойдешь в монахи». Позже, оставив службу в гвардии в чине поручика, Захарий Верховский избрал путь служения Богу [15, с. 46].

Зосима стал учеником иеромонаха Адриана (иеросхимонаха Алексея), который с группой подвижников, сторонников строгого отшельнического монашеского жития, спасался в брянских лесах. Сам старец Адриан находился в духовном общении со старцем Паисием (в миру Петром Ивановичем Величковским) (1722–1794) – схиархим. Никольского общежительного монастыря в Молдавии, отличительной чертой устава которого было широкое развитие духовного руководства монахами – старчества. В 1803 г. ученики издали 24 тома его трудов под общим названием «Добротолюбие» [8, с. 71; 14, с. 448]. «Многочисленные ученики Паисия перенесли его писания и дух его устава вместе с учреждением монашеского старчества в Россию, и тем много способствовали оживлению и возрождению русского монашества» [12, с. 448].

Поддерживающий отношения со старцем Паисием ревнитель монашества митрополит Петербургский и Новгородский Гавриил занимался возрождением пришедших в упадок монастырей путем приглашения старцев-пустынножителей. Митрополит Гавриил призвал для устройства Коневского монастыря Петербургской епархии старца Адриана с учениками, который завел на острове Коневце скитское жилище и добился процветания обители [12, с. 446–447, 451]. Около 10 лет Захарий Верховский провел в Коневском монастыре под духовным окормлением старца Адриана и был пострижен в монахи с именем Зосима [13, с. 299; 18, с. 297].

В справочном издании «Тобольская епархия» подчеркивается, что Зосима и Василиск были «тайно» пострижены в монашество [14, с. 131]. Этот факт в отношении старца Зосимы подтверждается тем, что в официальных документах и письмах 1822–1826 гг. фигурирует имя «отставного поручика Захара Богда-

новича Верховского», а имя Зосима не упоминается. Сам З.Б. Верховский при написании официальных писем также использует свое светское имя [17].

С именем о. Зосимы рядом часто стоит имя старца Василиска. Василиск на протяжении десятилетий был верным спутником и духовным наставником Зосимы. Именно так характеризует Василиска в своих воспоминаниях архим. Пимен, опираясь на жизнеописание старца «Жизнь монаха и пустынножителя Василиска» (1849) [16, с. 297–298]. В исследовании И.К. Смолича также упоминается о рукописном «Повествовании о старце Василиске» со ссылкой на труд Н. Попова «Описание рукописей московского Симонова монастыря» (Чтения. – 1910. – Кн. 2) [13, с. 540].

Старец Василиск, в миру Василий Гаврилов, из экономических крестьян Тверской губернии, «Клязенского уезда, деревни Ивелишь» с согласия жены и по паспорту проживал у разных пустынножителей, пока судьба не привела его к старцу Адриану, от которого Василий Гаврилов и принял постриг. После принятия монашеского сана он жил в пустыни до вызова со старцем Адрианом в Коневский монастырь для устройства обители, где также проживал 10 лет уединенно в трех верстах от монастыря [15, с. 45].

Старец Василиск так описывал состояние души пустынножителя: «Как можно в точности описать все те внутренние духовные чувствования, которые до такой степени усладительны, что никакое благополучное царствование не порадует так, как пустынное житие! Ибо когда не видим, не слышим и не видимся с миром заблудшим, то спокойствие находим, и ум естественно устремляется весь к единому Богу. Нет в пустынном пребывании ничего такого, чтобы препятствовало и отвлекало от богослужения, или мешало бы заниматься чтением Священного Писания и питаться углублением в богомыслие, напротив всякий случай и всякий предмет побуждает здесь постираться к Богу» [16, с. 297].

Василиск и Зосима просили уволить их из монастыря в Афон или Молдавию. После переезда в Симонов монастырь в Москву и пострига в схиму старец Адриан дал им благословение и совет идти в Сибирь. В поисках уединенного места монахи побывали в Киеве, Таганроге, Астрахани, но не найдя покоя, последовав совету духовного отца, отправились в Сибирь. Получив позволение от Тобольского преосвященного Варлаама и билет от губернатора на жительство, они побывали в Ишимском, Каинском, Томском, Енисейском, Красноярском округах и поселились вблизи Кузнецка в конце XVIII в. (между 1797 и 1800 гг.), где и прожили более 20 лет [15, с. 45–46; 18, с. 297].

В результате секуляризационных реформ второй половины XVIII в. единственный действующий на территории края Кузнецкий Христорождественский мужской монастырь (основан в 1648 г.) был упразднен в 1764 г. Попытки преодоления недостатка иноческой

жизни путем открытия монастырей периодически предпринимались на территории юга Западной Сибири, но все они заканчивались неудачей.

Претерпев первые годы множество лишений от голода и холода, монахи построили небольшие деревянные кельи. У о. Зосимы была еще отдельная келья в глухом лесу, где он проживал в одиночестве во время постов. И.С. Конюхов, познакомившийся с монахами в 1813 г., так описывал их: «...Василиск, преклонных лет, 70 или более, очень воздержанного жития, согбенный старостию и сух плотию от воздержания, носил на голом теле железные вериги, молчалив, в руках четки, в устах молитвы, сидит, повеся голову, мало что говорит; Зосима, по виду 50 лет, крепкого телосложения и добрый в силах и походке, словоохотливый...» [15, с. 47].

Несмотря на то, что к старцам на жительство приходили мещане и крестьяне с намерением монашеского жития, и некоторые проживали с ними более десяти лет, попытка основания мужской обители не удалась. До 1818 г. изъявили желание совершить постриг пять человек, но общество и начальство многих не уволило. В 1818 г. о. Зосима после раздумий принял решение образовать женскую общину, согласившись принять в свое руководство кузнецких горожанок. Из Кузнецка в общину переселились, подчинив себя иноческим правилам, вдова коллежского советника Н.Н. Васильева, ее дочь, купеческая дочь Е. Романова, мещанская вдова А. Иванова. Позже к ним присоединились до 10 сестер, в том числе дочь мещанина Зиновия Шабалина (с 1839 г. игуменья Туринского монастыря Илария). В 40 верстах от Кузнецка, в деревне Сидоровой, о. Зосима устроил кельи, обнеся оградой, сам находясь в общине для наставления сестер в монашеской жизни [14, с. 131; 15, с. 47–49; 16, с. 298].

После устройства женской обители о. Зосима прибыл к архиепископу Тобольскому Амвросию (1822–1825) с просьбой уступить какой-либо мужской монастырь, оставшийся без монашествующих. Архиеп. Амвросий избрал заштатный Туринский Николаевский монастырь (основан в 1624 г.), в котором находились «строитель и один вдовый священник». С благословения Амвросия, получив доверенность и необходимую сумму денег от вдовы коллежского советника Настасья Николаевна Васильева и ее дочери Натальи Матвеевны, купеческой дочери Евдокии Романовой и вдовы мещанина Анисьи Ивановой, о. Зосима отправился в Св. Синод с прошением об обращении заштатного мужского монастыря в женское общежитие. Также с собой он имел документы, подтверждающие выделение средств на содержание причта действительной статской советницей Веревиной и надворной советницей Шипиной [14, с. 131–132; 19, л. 2–4]. Архим. Пимен указывает, что старец дважды побывал в Санкт-Петербурге, испра-

шивая благословение Св. Синода. При содействии министра духовных дел и народного просвещения князя Александра Николаевича Голицина и обер-прокурора Синода князя Петра Сергеевича Мещерского вопрос был решен положительно [18, с. 299]. В своей памятной записке И.С. Конюхов ошибочно указывает, что Зосима «...в 1820 году поехал в Москву, выпросил у московского митрополита упраздненный в городе Туринске Николаевский мужской монастырь...» [15, с. 49].

На Всеподданнейшем докладе Синода императору от 13 февраля 1822 г. рукой Александра I было начертано «быть по сему». Учитывая то, что в обширной Тобольской епархии находился один женский монастырь в Енисейске, а братия Туринского монастыря составляла два человека, а также серьезность намерений уже существующего женского общежития, подкрепленных финансовыми вливаниями, было принято решение об основании Туринского Никольского женского монастыря [17, л. 2–7].

Необходимо обратить внимание на достаточно широкие полномочия, полученные о. Зосимой при открытии монастыря, что потом и стало причиной конфликта старца с частью сестер. По утвержденным правилам для руководства общежитием начальница должна была избираться из своей среды; в духовном управлении общежитие зависело от епархиального архиерея, но без отчетов перед Духовной Консistorией; В.Б. Верховскому было дозволено иметь попечение о первоначальном устройстве общежития и временами, для утверждения порядка посещать обитель, но проживать вне обители с причтом. В докладе Синода императору от 13 февраля 1822 г. также говорилось о предоставлении попечителю монастыря отставному поручику Верховскому право иметь наблюдение за угодами в пользу монастыря, т.е. заведование хозяйством [17, л. 3–6].

Для устройства и развития обители о. Зосима использовал поддержку бывшего обер-прокурора Синода, министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицина. В письме от 6 марта 1822 г. он просил князя сообщить генералу-губернатору М.М. Сперанскому о высочайшем утверждении и о поручении попечительства об устройстве женской пустыни, надеясь, что тот «...с получением сего сведения не оставит оказывать в пользу той пустыни всех зависящих и с его стороны благодетельств» [17, л. 15]. 9 марта 1822 г. последовало письмо князя А.Н. Голицина на имя М.М. Сперанского о покровительстве Верховскому и в этот же день отношение к сибирскому генерал-губернатору самого З.Б. Верховского [17, л. 16–18].

26 октября 1822 г. старцы Зосима и Василиск с сестрами прибыли в монастырь по указу Духовной Консistorии от 16 октября 1822 г. и приняли имущество монастыря [14, с. 133]. Сестры монастыря

на первоначальном этапе отстаивали право избрания настоятельницы из своей среды и высказали безграничное доверие своему духовному учителю старцу Зосиме. В обращении к обер-прокурору Синода 1822 г. «...28 сестер, ведущих единодушное житье, просят для прочного утверждения оно не насылать им чуждой настоятельницы, но оставить под управлением попечителя их и отца, которому они и тогда желают быть преданы, когда из среды себя выберут настоятельницу» [17, л. 35–35об.]. В послании подчеркивалось, что «...лучше лишиться обители нежели удаленными быть от него» [17, л. 35об.]. Тобольскому архиерею определением Синода было предписано избрать настоятельницей старшую сестру или предложить сестрам занимать пост настоятельницы поочередно [17, л. 36].

К 1823 г. произошло укрепление новой женской обители, существование которой омрачил, однако, факт внутреннего конфликта части сестер с о. Зосимой. Во время поездки в Санкт-Петербург по вопросу устройства женской обители о. Зосима заехал на родину в Смоленскую губернии, где забрал с собой двух племянниц, оставшихся сиротами после смерти брата Ильи и пожелавшими вступить в обитель. После возвращения его ждали неприятности, по свидетельству архим. Пимена, «любоначалие» одной из первых сестер, вмешательство посторонних лиц и нелюбовь епископа привели к гонениям на старца [16, с. 299].

Внутренний конфликт разрастался, 10 ноября 1823 г. по императорскому указу Синод рассмотрел донесении «попечителя Туринского монастыря отставного поручика Захара Верховского» о возмущении спокойствия обители коллежской советницей Н.Н. Васильевой и ее дочерью «...разными противу его попечителя оскорбительными происками», обвинениями в расстройстве дел монастыря, что привело к расколу среди сестер. Васильевы получили поддержку архиепископа Амвросия, который облачил их в рясофор с повелением оказывать им «отличное уважение». В письме о. Зосимы в Синод содержалась просьба оставить его до окончания начатого дела или уволить его от попечительства с теми из сестер, «...которые держатся его и желают для душевного спасения следовать за ним» [17, л. 47–48]. Указом Синода рассмотрение причин конфликта было поручено Тобольскому архиерею, что, по сути, решило дело в пользу Васильевых.

Кроме этого, Васильевы начали обращаться с письмами о защите от притеснений в Синод, князю А.Н. Голицину, митрополиту Серафиму, императрице Марии Федоровне. Достигло цели письмо к министру народного просвещения А.С. Шишкову, назначенному в 1824 г. после отставки князя А.Н. Голицина, покровителя старца Зосимы. В письме Васильевых от 7 июля 1824 г. содержались чрезвычайно серьезные обвине-

ния в адрес старца: 1) в злоупотреблении доверием благодетельниц и похищении всех пожертвованных денег; 2) нарушении православной веры, так как в одной обители позволял жить лицам обоего пола; 3) причинении обид сестрам, так как позволял вход мужчин к своим племянницам, перехватывал письма, выгонял сестер из обители; 4) неэффективном управлении хозяйством обители [17, л. 58–59об.]. Жалоба пошла по инстанциям: от министра народного просвещения А.С. Шишкова к обер-прокурору П.С. Мещерскому, а последний вышел с предложением в Синод в августе 1824 г. о расследовании дела [17, л. 60].

Архиепископ Тобольский, поддерживающий Васильевых, проведя расследование, донес в Синод, что отставной поручик Верховский проживает внутри монастыря и обращается с сестрами предосудительно: дает неприличные наставления, распоряжается суммами монастыря, без согласия производит денежные операции, не допускает избрания сестер в игуменьи, читает в церкви и на трапезе старообрядческие книги, служит без священника молебны с нарушением канонов, позволяет к двум молодым девушкам ходить молодому человеку для учения живописи и тайно хранит банковский билет и вещи игуменьи Екатеринбургского монастыря Таисии. И.С. Конюхов отмечает, что архиереем, перед которым также ходатайствовали влиятельные родственники Васильевых, живущие в Тобольске, дважды устраивалась комиссия для расследования дела, по итогам работы которой Зосима был удален из монастыря и вызван в Тобольск [15, л. 50]. В результате серьезных обвинений Синод признал действия Верховского неуместными и уволил от попечительства указом от 24 января 1825 г. [14, с. 133; 17, л. 69–70об.]

Летопись Конюхова свидетельствует, что большинство обвинений в адрес о. Зосимы были ложными, и Васильевы, возможно, не рассчитывали на полное устранение старца от дел обители. «Васильева же Наталья Матвеевна, по пострижению переименованная Рахилью, избличаемая совестью в несправедливом поступке и доносе на отца Зосиму, пришла в раскаяние, слезно плакала и просила со слезами у отца Зосимы и прочих сестер прощения в несправедливом своем поступке, что от них и получила, и даже подала Тобольскому Преосвященному прошение, признавая в оном свою вину, но уже поздно, потому что дело было отправлено в Святейший Синод, чем Преосвященный весьма оскорбился» [15, с. 51].

Во время дрязг и разбирательств умер старец Василиск, который проживал до октября 1823 г. в пустынной келье в 8 верстах от монастыря. Перед смертью по причине болезни и холода он был перевезен в келью о. Зосимы за огородами Туринского монастыря, где и принял смерть на коленях, читая молитву. Был похоронен при монастырской церкви за алтарем с северной стороны [15, с. 50].

Старец Зосима покинул Туринский монастырь, и около 20 сестер последовали за ним, несмотря на указание церковного начальства «...внушить, что он Верховский, не будучи служителем церкви, не может быть духовным их отцом, и что они в сем случае впали в заблуждение по его действиям» [15, с. 51; 17, л. 109, 112].

После удаления Верховского Туринский женский монастырь управлялся старшими сестрами поочередно, помесечно, как было предписано в указе Синода, а через пять лет епархиальным начальством стали назначаться настоятельницы [14, с. 133–134]. Н.Н. Васильевой удалось на короткий период исполнять обязанности настоятельницы [11, л. 124об.]. С 1828 по 1838 г. монастырем управляла вызванная из Енисейского женского монастыря монахиня Пульхерия. Судя по делу «По рапорту Тюменского Архимандрита о пьянстве настоятельницы Туринского монастыря» 1828 г., хранящемуся в ГАТО ТФ, в монастыре были определенные проблемы [17]. Период дальнейшего подъема Туринского женского монастыря связан с управлением игуменьей Иларией (1838–1843), кузнецкой горожанкой, в миру мещанской дочерью Зиновией Шабалиной. К началу 60-х гг. XIX в. в Туринском монастыре служили Богу 55 монахинь и 46 послушниц [14, с. 131, 135].

Прибыв с сестрами в Москву весной 1826 г., о. Зосима предпринял попытки устроить новую женскую обитель. Племянницы старца Варвара и Матрена Верховские подали прошение императору о позволении «...устроить общежитие с церковью под введением их дяди...», в деле приняла участие императрица. Но рассмотрение прошения затянулось надолго – вспоминались старые грехи, поступали новые доносы. В результате в прошении было отказано, а через митрополита Московского сестрам было сделано увещание для того, чтобы они оставили желание устроить новое общежитие под руководством Верховского, а приняли монашество на общих основаниях [11, л. 84–111].

Старца и сестер приняла вдова Бахметова (у И.С. Конюхова Бехметова), которая выделила им место в подмосковной усадьбе в 60 верстах от Москвы, пожертвовав землю. В ноябре 1826 г. сестры заняли новые кельи, отправляли всенощное бдение и вспоминали слова старца Зосимы, которые он повторял во время смут и лишений: «Потерпим, возлюбленные, придет час воли Божьей, и мы воспоем песнь победную, подивимся Богу, сотворившего чудеса мышцею высокою» [15, с. 52; 16, с. 300].

Старец Зосима скончался 24 октября 1833 г. в возрасте 67 лет, держа в руках икону Божьей Матери, которой благословил его духовный отец схииеромонах Адриан в Коневской обители [15, с. 52]. Незадолго до смерти его посетили два старца из Орловской епархии, «...и он келейно принял от них образ великия схимы» [16, с. 300].

Перед смертью о. Зосима велел прийти сестрам попрощаться и сделал последнее наставление, чтобы они жили в любви и смирении, сохранили обитель, и предсказал, что «по моему исходите, Господь даст, что и церковь у вас будет, и обитель утвердится, Матерь Божия, коей я вручаю Вас, прославит имя свое на месте сем и удивит на Вас милость свою» [15, с. 52].

Позже царевна грузинская подарила общине землю и выстроила домовую церковь. В храме была устроена усыпальница над могилой старца. Обитель была Высочайше утверждена Свято-троицкой Одигитриевской Зосимовской общежительной женской пустынью. К середине XIX в. община под управлением племянницы старца Веры насчитывала 116 сестер, имела скотный двор и песцовый завод (начало которому положил о. Зосима, вывезя из Сибири несколько песцов) [15, с. 51, 53; 16, с. 295–297, 300]. Обозревая общежительные монастыри Московской епархии, настоятель Николаевского Угрешского монастыря архим. Пимен отмечал: «При всей ограниченности средств эта пустынь внутренне и внешне ныне процветает и восходит от силы в силу» [16, с. 300].

И архим. Пимен и И.С. Конюхов в своих воспоминаниях ссылаются на речь митрополита Московского Филарета на освящении храмов Свято-троицкой Одигитриевской пустыни в 1855 г., в которой тот перечисляя труды, заслуги о. Зосимы, подчеркнул: «И что рука сильных извращает правосудие, и что через смуты, но по благоволению Божию шагнул он, Зосима, из отдаленной Сибири внутрь России, где и почил от трудов своих...» [15, с. 54; 16, с. 297].

Возможно, полная негибимой веры и энергии личность старца Зосимы, вобравшая в себя всю противоречивость отношений между старчеством и «официальной церковью» первой половины XIX в., могла привлечь Ф.М. Достоевского, который создал собирательный идеальный образ литературного о. Зосимы. Развитие старчества в России конца XVIII–XIX вв. способствовало преодолению религиозного кризиса в обществе путем более глубокого осмысления христианских истин, что привело в середине XIX в. к рождению национальной религиозной философии и всплеску религиозных исканий в литературном творчестве.

Жизненный путь старца Зосимы (Верховского) подтверждает, что «старчество было явлением целостным, развивавшимся спонтанно, снизу, без всякого воздействия сверху – со стороны иерархии», которая иногда и противодействовала старцам [13, с. 351]. Старчеству были присущи не только подвиг аскетический – уединенная молитва и пустынножительство, и дар учительства, но и крайне деятельный образ жизни, связанный с преодолением трудностей при основании новых обителей. Так, о. Зосиму не остановили десятилетия лишений и неудач, а география

его странствий свидетельствует, что для процесса духовного возрождения монашества в форме старчества не было временных и территориальных преград. Труды старцев на ниве духовного руководства жен-

щинами, увлеченными религиозными исканиями, также привели к возрастанию роли женских монастырей и общин в религиозно-нравственной и благотворительной жизни России.

### Библиографический список

1. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви : в 2 т. / А.В. Карташев. – М., 1992.
2. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М., 1995.
3. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия / прот. Георгий Флоровский. – Вильнюс, 1991.
4. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.
5. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы : роман / Ф.М. Достоевский. – М., 1987. – Ч. 1 и 2.
6. Белов, С.В. Зосима и Амвросий / С.В. Белов // Наука и религия. – 1974. – №4.
7. Зайцев, Б. Достоевский и Оптиная пустынь / Б. Зайцев // Литературная Россия. – 1989. – 8 дек. (№49).
8. Федоров, В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В.А. Федоров. – М., 2003 (серия «Страницы российской истории»).
9. Зырянов, П.Н. Монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П.Н. Зырянов. – М., 2002.
10. Официальный сайт Коневского Рождество-Богородичного монастыря Санкт-Петербургской митрополии : <http://www.konevets.spb.ru/02/090.htm>
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 797. – Оп. 2. – Д. 7918.
12. Знаменский, П.В. История Русской Церкви : учебное руководство / П.В. Знаменский. – М., 2000.
13. Смолич, И.К. Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви» / И.К. Смолич; Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – М., 1999.
14. Тобольская епархия. – Ч. 2. – Отд. 2: Описание церквей и монастырей Тобольской епархии. – Омск, 1892.
15. Конюхов, И.С. Кузнецкая летопись / И.С. Конюхов. – Новокузнецк, 1995.
16. Воспоминания архим. Пимена. – М., 1877.
17. Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. – Ф. 156. – Оп. 25. – Т. IV. – Д. 3.